

Екатерина Варкан

Родилась и живет в Москве. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики. Работала на радиостанции «Маяк», в «Независимой газете». Член Союза кинематографистов России (Гильдия киноведов и кинокритиков) и Русского ПЕН-центра. Исполнительный директор Новой Пушкинской премии (2005–2019), редактор и автор идеи альманаха «Новая Пушкинская премия» в двух томах 2005–2009, 2010–2014), литературный консультант Международного кинофестиваля «Литература и кино» (г. Гатчина, 2010–2020), автор идеи телевизионного фильма «История одной мистификации» («Культура», 2013) об отношениях Александра Пушкина и Александра Грибоедова. Картина стала лауреатом кинофестивалей «Литература и кино» и «Свидание с Россией!». Ведущая Подкаста «Драгоценные истории» (проект Первого канала). За публикации в журнале «Литературная учеба» о литературных перипетиях первой половины XIX века и их вершителях стала лауреатом Горьковской литературной премии в номинации «Несвоевольные мысли» (2025). За книгу «История драгоценных камней и украшений» (АСТ, 2020) удостоена Литературной премии им. Н. В. Гоголя в номинации «Портрет».

Зимний кактус

Зимний кактус (декабрист) — комнатное растение с красными, розовыми или белыми цветами. Распускается в декабре. Считается, что цветок нельзя трогать и передвигать. Иначе он может обидеться и не расцвести. Если же отнестись к декабристу со сдержанным вниманием, цветки его обязательно раскроются во всей своей неотразимой красоте.

«Духовное завещание, 1837 года, 7 июня. Против мыса Адлера, на фрегате "Анна"». Александр Бестужев. «Если меня убьют, прошу все, здесь найденное...»

Александр Александрович Бестужев — декабрист и романист — погиб 7 июня 1837 года во время стычки с горцами на мысе Адлер.

Бестужев — один из самых активных и ярких участников декабрьского, 1825 года, выступления дворян против власти. Движитель умов. Был весьма авторитетным в продвинутом кругу вольнодумцев. К тому вели, вероятно, и личный его энтузиазм, и личное обаяние, которое ему еще пригодится.

После разгрома на Сенатской площади Бестужев, щеголем одетый (эти опыты он проделывал потом и в Сибири, и на Кавказе — в смысле щегольства), сам явился вдруг в Зимний дворец сдаваться и принес свою повинную голову сентиментальному праведнику — новому императору Николаю I, что также было весьма пикантно. Как он ловко с самого начала сумел затмить здравый, но обиженный рассудок Николая Павловича своим (подумать — всего-то только) откровенным щегольством, тогда как многие являлись императору в виде весьма растрепанном! А тот был известный аккуратист. Этим именно Бестужев, верно, и завоевал того искреннюю благосклонность, которая облегчила его положение и изрядно сократила срок. Об этом уменьшении виновности неискушенный опытом самодержец сам приватно и сообщил эффектно повинившемуся.

Император Николай Павлович доверительно рассказывает этот сюжет в своих «Записках о вступлении на престол». Воспоминания писаны вовсе не по горячим следам, однако он все хорошенько запомнил.

Дальше — суд да дело. 5 июля 1826 года 28-летний штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка Александр Бестужев приговорен Верховным уголовным судом к смертной казни через отсечение головы. А 10 июля 1826 года указом, адресованным Верховному уголовному суду, император Николай, еще, впрочем, официально некоронованный, многим осужденным, и Бестужеву в их числе, приговор смягчает. Смертная казнь была заменена вечной ссылкой в каторжную работу. Бестужеву назначена Якутия.

В некоторых справочниках нового времени после сообщения о гибели Бестужева на мысе Адлер присутствует добавление: тело его не найдено. Это позволило опять вспомнить о давних толках, что Бестужев вовсе не погиб, а ушел к горцам. Говорилось такое и ранее, однако голоса были весьма разрознены: при так называемом царизме подобные домыслы не очень поощрялись.

Можно поразмышлять, для чего имперскому правительству было на руку именно замалчивание. Оно вообще не особо желало частых упоминаний ни декабрьской катастрофы, ни имен ее вершителей. В первые годы существовал и цензурный запрет.

Все участники событий получили свое — кто помер, кто погиб, кто реабилитирован. Но никто не сумел обмануть власть. Эпатировать —

да! Михаил Сергеевич Лунин тому пример. Будучи любимцем наместника российского в Царстве Польском, великого князя Константина Павловича, все ж сослан в Сибирь, не являясь даже участником выступления. Константин интриговал до последнего, выдумывая всякого рода отговорки, желание Петербурга получить именно Лунина для следственных действий. Он даже намекал своему адъютанту на возможность выйти за границу, в Германию, воспользовавшись отлучкой для охоты, например, и там скрыться от преследования. Правила чести не позволили Лунину воспользоваться таким соблазнительным предложением. В ссылке Лунин не оставил своих правил и третировал правительство своей неотъемной свободой. Именно Лунин вернее других мог бы подписаться под словами из знаменитого послания князя Александра Ивановича Одоевского:

Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Лунин, вероятно, даже не полагал, что можно попасть еще дальше Сибири. Но, прихватив с собой вольность мысли, отправился-таки за самый край света — в Акатуй. Где, по некоторым сведениям, был удушен охранниками. Согласно восточной практике, считалось, что удавка — не убийство, потому как не пролилась кровь. На востоке такие манеры были в ходу, и даже вошли в поговорку. Поминаются эти меры и в русских писаниях. В частности, у Ипполита Федоровича Богдановича в «Душеньке»:

Другую смерть себе, а именно — удавку.
В старинны времена
Такая смерть была почтенна и честна.
У турок и поднесь за смерть блаженну ставят,
Когда кого за грех не режут, а удавят.

Власть не переиграть. Не обмануть. Нельзя. Не смели. Но если очень хочется, то можно.

Что же это было за сражение такое на мысе Адлер, после которого тело офицера было не найдено? Прямо выходит Аустерлиц какой-то.

На мыс Адлер высаживался десант под личным руководством командира Отдельного Кавказского корпуса барона Григория Владимировича Розена. Бестужев входил в группу генерала Вольховского. Он его любимый адъютант.

Генерал Владимир Дмитриевич Вольховский тоже здесь лицо неслучайное. Непраздное. Однокашник Пушкина. Первый выпускник перво-

го выпуска Лицея. (Князь Александр Михайлович Горчаков получил вторую, малую Золотую медаль.) Человек свободной мысли, верного слова, закрепленного присягой отечеству и царю. Переведен на Кавказ после событий 14 декабря 1825 года. Не как участвующий, а сопереживающий. Лишь заподозренный в сопереживании. Так, на всякий случай. Общеизвестно, что Вольховский сочувствовал политическим ссыльным, среди которых были и его личные знакомые, и знакомые его знакомых. Поддерживал их на Кавказе своим участием в облегчении службы. О нем мы еще вспомним.

Десант был немаленьким — несколько тысяч человек. Погибло, однако, четыре офицера. В том числе и Бестужев не вышел из леса после отбоя. Не нашли его и на месте побоища, что отошло под позицию наших войск. Не было Бестужева при обмене телами погибших, который осуществлялся между противниками. Многие полагали, что горцы не выдали тело Бестужева, потому как оно было сильно изуродовано. Однако для чего они вообще утащили с собой мертвого и изуродованного гяура, не вынеся тела нескольких своих сородичей, что по понятиям гор считалось преступлением (впрочем, и в русской армии действовал тот же закон), не очень понятно. Чтоб потом, устыдясь своей неумеренной жестокости, его не выдать?

В разыскании исчезнувшего Бестужева было предпринято особое усердие властей, и не только потому, что честь русского воинства — хоронить своих павших. Осталось все ж и не совсем ясным, почему русские солдаты (старинный принцип — «Погибай, а товарища выручай!») — соблюдался строго, особенно в кавказских экспедициях) не вынесли раненого офицера.

Случалось, русские уходили к горцам. Допускать такие скандалы было не с руки начальству, тем более, в случае с Бестужевым, которому доверия не было. Слишком уж он человек ненадежный, да еще и известный изрядно, и факт его исчезновения — вызывающий. Словом, тело — живое или мертвое — должно было быть представлено.

По этому делу собраны были с тщанием свидетельства очевидцев, последними видевших раненого Бестужева. Однако в них встречаются небольшие расхождения, и путаница эта (непринципиальная в деталях), возможно, шла от того, что свидетели не успели сговориться.

Та же картина наблюдается и в личной переписке участников-наблюдателей того дела, чему не следует сильно удивляться. Будто неизвестно было, что письма перлюстрировались, и требовать от них истинной правды попросту невозможно. Более того, чтоб избежать неприятностей или пустить следопытов по ложному пути, в письмах специально и откровенно врал.

Особый спор шел и о том, посылал ли лично, своим приказом Вольховский своего адъютанта в бой или тот сам настоял на своем выходе в авангард. Неясность положения даже послужила поводом для подозрения и обвинения Вольховского в невнимании к Бестужеву и, по результату, в том, что тот не сберег жизнь своего адъютанта — декабриста, писателя, героя. Даже (серьезнее) погубил его, отправив в жаркую схватку.

Споры эти не только не основательны, но и не имеют никакого значения. Шли боевые действия, и военные, находившиеся под присягой, попросту исполняли свой долг. И ровно преступлением в этих обстоятельствах являлось бы спасение (приказом высшего начальства) жизни одного за счет другого.

Словом, странны здесь и несвязные свидетельства очевидцев, и сбивчивые оправдание самого кающегося Вольховского. Его особо прижимали.

Погибнуть на Кавказе было тоже делом непростым. Стычки с горцами случались нередко. Заведено было носить кольчуги, что не скрывалось и не ставилось в упрек. (Это вам не дуэль какая-нибудь, понимаете ли.) Сам Бестужев (романист Марлинский) упоминал об этом в своих произведениях.

На Кавказе служили люди особой масти, фантастической смелости. Однако они же еще и фронтеры, и бретеры, и авантюристы. Словом, публика своеобразного опыта и стиля. В такой среде было свое безусловное место и у Бестужева, и у его ссыльных товарищей. Военизированный Кавказ вообще собирал не только отъявленных головорезов, но и любителей приключений всех мастей, частенько сильно нагревавших руки у походного костра. Но это к слову.

Вдруг явились через время у чеченцев пистолет Бестужева и золотое его кольцо, взятые с исчезнувшего тела. Не то ли это самое кольцо, которым императрица Елизавета Алексеевна за год до декабрьской трагедии поощрила издателей (а это были Бестужев и Кондратий Федорович Рылеев) и блистательный успех альманаха «Полярная звезда»? Снабдив лестным рескриптом: «Мне очень приятно, что молодые люди занимаются отечественной литературой». Известно, что Бестужев очень дорожил этим монаршим отзывом и трепетно хранил бумагу.

Вещи явились вовремя, будто подобранные улики. Все это известные конспиративные приемы.

Князь Александр Одоевский после провала декабрьского выступления виртуозно инсценировал свое утопление в проруби на взморье недалеко от Екатерингофа. На льду остались его вмерзшая в воду военная шинель, шпага, пистолет и шляпа с пером. Вещи опознали княжеские люди. Следствие поверило. Однако ж родственник его, Василий

Сергеевич Ланской, он же член Государственного совета и уже в самые ближайшие дни член Верховного уголовного суда над декабристами, выдал сородича с головой. Позже, правда, Ланской часто отправлял Одоевскому письма и посылки в Сибирь и ходатайствовал о смягчении его участи. И если б не этот очевидный факт родственной сдачи в угоду юному императору, пил бы наш князь шампанское где-нибудь на берегах Сены, а не явился бы из Сибири на Кавказ в конце лета 1837 года, чтобы... А у нас не было бы повода сейчас еще раз, снова и снова соединять в этом повествовании две жизни и две личности — Александра Бестужева и князя Александра Одоевского.

Судьба ссыльного Бестужева тем временем складывалась завидней, чем у многих декабристов. Приговоренный поначалу Верховным уголовным судом к смертной казни отсечением головы в 1826-м, 28-летний штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка в 1829 году уже был отпущен солдатом на Кавказ.

На Кавказе, несмотря на очевидную опасность все ж было лучше. Со сланные, вольнодумцы и либералисты из центральной России составляли местный бомонд. Знаменитую кавказскую вольницу зачинал еще генерал Алексей Петрович Ермолов, который долгие годы оставался боевым символом Кавказа. Всякий — от солдата до генерала — считал за честь соблюдать блестящую кавказскую форму, начиная с внешности. Тому много письменных свидетельств. В частности, любопытно, об этом живо повествует знаменитый информатор Фаддей Венедиктович Булгарин в своих записках, которые сочинял он усердно для управляющего III отделения Максима Яковлевича фон Фока. Военные носили не кивера и шляпы, а папахи и фуражки. Офицеры ходили без эполет, порой без мундиров, в цветных канаусных рубашках навыпуск, лосины сменялись шальварами. Не шиком, а нормой считалось иметь черкесскую шашку или кинжал. Да и чему тут было удивляться? Когда сам генерал задавал этот светский модный тон. Историк Адольф Петрович Берже в своем труде «Ермолов на Кавказе» сделал занятную зарисовку: «Живя в Тифлисе, Алексей Петрович имел привычку по утрам, около 7 часов, отправляться на прогулку в старом мундире, полосатых шароварах, с дубиной и неразлучным с ним бульдогом».

За тем следовали и другие вольности.

Итак, Бестужев в Дербенте, ссыльный, солдат — весьма продолжительное время. И хотя он нес все солдатские повинности, жил все-таки в отдельной квартире, и во внеслужебное время вел вполне светский образ жизни, коротая дни с сослуживцами, так же попавшими в немилость. Находилась время и для литературных занятий. Именно тогда и зачиналась слава русского романиста Марлинского. Платили.

Всю жизнь — герой-любовник. Даже в глухой Якутии и на военизированном (но и романтизированном) Кавказе не избегал этой любезной привычки. Современники вспоминали, что этот высокий темноглазый красавец «нравился женщинам не только как писатель».

За Бестужевым на Кавказе числилась и весьма трагическая история, связанная с гибелью дочери унтер-офицерской вдовы и его подруги Ольги Нестерцовой, произошедшая на его квартире в Дербенте. Нарядили следствие, которое выявило массу противоречий. Из дела выходило, что девушка была смертельно ранена пистолетною пулею, прошедшей через подушку, на которой остались и пороховые следы. Пистолет хранился под подушкой для защиты от воров и разбойников. И выходило, что девушка, резвясь на кровати, случайно задела как-то курок. Тяжело раненная, она утвердила на допросе именно такую последовательность событий. Подтвердила слова дочери и мать Матрена Нестерцова, которая удостоверила, что «дочь ее ранила себя собственно от своей резвости». Под присягой такие же показания, что девушка «поранила себя нечаянным случаем», дал священник Петр Демидович, принимавший последнюю исповедь из уст умирающей.

Выходило и другое. Якобы Ольга, «имевшая (по мнению многих наблюдателей) привязанность к рядовому Бестужеву», не была вовсе его возлюбленной и не оставалась ночевать, а просто помогала по хозяйству. Дело получалось мутным и весьма запутанным, особенно непонятно — для каких тогда надобностей она вообще «резвилась на кровати» в его квартире. Сведя вместе разноречивые сведения, мы можем положить, что, скорее всего, девушка покончила собой из ревности. На Бестужева же пало подозрение в убийстве — из ревности же. В конце концов, следствие закончилось его полным оправданием, — «и предать дело сие воле Божьей».

Однако и само оно, это дело, служит неплохим примером все той же неплохой маскировки прижизненных обстоятельств и их последствий. Показательная для объяснения занимательных личностей начала XIX века история, между прочим. И роман бы вышел в духе самого Марлинского. Впрочем, с этим живописно справился Александр Дюма-отец. Он, кстати, первый опубликовал в Европе тексты и самого Бестужева, и стихи Михаила Юрьевича Лермонтова — в собственном переводе. Обоих авторов он очень высоко ценил.

Дюма посвятил Ольге Нестерцовой и Бестужеву отдельную главу в своей книге «Кавказ», которую он написал после своего путешествия туда в 1858-59 годах. Имея склонность ко всякого рода романтическим приключениям, он не мог пройти мимо столь необыкновенного происшествия. Писатель также полагает причины трагедии за ревностью.

Подробно описал Дюма и памятник на могиле девушки, по его сведениям, установленный Бестужевым. «Немного в стороне от небольшого кладбища, возвышающегося над морем, красуется надгробный камень самой простой формы. С одной стороны, его надпись: "Здесь покоится прах девицы Ольги Нестерцовой, родившейся в 1814 году, умершей в 1833 г.". С обратной стороны вырезана роза; но роза увядшая, без листьев, уничтоженная молнией. Сверху начертано: "Судьба"».

Дюма замечает, что, по слухам, «с той минуты он (Бестужев — авт.) совершенно переменяется: впал в мрачную меланхолию, искал опасностей и смерти». «Я оставил Багратиону, — заключает свой рассказ писатель, — стихотворение с просьбой вырезать его на память о моем пребывании в Дербенте на нижней части надгробного камня несчастной Ольги Нестерцовой:

Двадцать лет ей было —
Она любила
И была прекрасна.
Но вот промчалась буря,
И в сумраке однажды
Она опала, подобно нежной розе.
О, ты, Земля, приют умерших,
Не мучай деву —
Ведь при жизни
Она так мало
Была всем в тягость».

В русском издании книги Дюма «Кавказ» помещена и фотография надгробья. И это очень важный документ, потому как памятник до наших дней не сохранился.

Но пока еще Бестужев восхищается экзотической природой: «Кавказ — прелестная корона земли». Реки и водопады, горы и долины для него весьма вдохновительны. С людьми он скучает. Наблюдает с любопытством жизнь «азиатцев», которые, «кроме ястреба, ружья, водки и жен своих», ничего не признают, восхищаясь их свободой. Научается говорить по-татарски.

Именно Бестужев с Грибоедовым (Грибоедов все-таки раньше) закрепили всем русским кавказцам необходимость разучить татарский язык, который в этих местах так же хорош для использования, как европейские языки в столицах. Этому совету внял юный Лермонтов. Он вообще в некоторых делах (во всех глупостях так точно) был их прилежным учеником.

Таким образом, Бестужев свободно общается с горцами и даже находится у них уже в некотором доверии. И посреди этого сообщества,

более близкого к природе (к естественному естеству), чуждого европейского лицемерия и ханжества, он, вслед за многими, пока ощущает себя даже немного счастливым.

Горцам также полюбился этот человек, популярный в их среде под именем Искандер-бека, — лихой и бесшабашный. (Искандер — так звучит на восточных языках имя Александр). Местные ханы дарят ему благосклонность и лошадей.

Он отдыхает в бесадах, валяясь в траве у воды, в роскошном саду на окраине Дербента с новыми своими приятелями, местной знатью. Солнечная лужайка собирает иной раз вождей воинственных племен. И впечатлительный Бестужев вынашивает мечту переодеться в чуху и съездить в Табасарань вольным татаринном. Есть сведения, что он туда отлучался регулярно. Как-то даже пропал на неделю. Все тогда сочли его погибшим. Однако он вернулся. В сопровождении горских охранителей, что особенно почетно. Новые товарищи проводили его до ворот и, опасаясь плена, убралась восвояси. Бестужев приветствовал сослуживцев, сняв папаху с бритой головы. Наголо брились «неазиятцы», ушедшие в горы — качаги. «Я стал качагом», — гордо объявил он товарищам.

Выявилась, правда, одна неприятность — не шли чины. Выслуженный крест, дававший право, всякий раз приказывали отдавать следующему. Скольких не совершал подвигов, скольких воинских дерзостей он ни показывал. А слыл Бестужев человеком отчаянной храбрости.

Памятливый Николай Павлович (все-таки он как-то своеобразно любил своего щеголя и зорко за ним присматривал) в конце концов благосклонно позволил перевести Бестужева из затихшего Дербента в действующий на кавказской линии полк в Ахалцах. И хотя еще «расцветает изредка цвет воображения», но не счастья, тут все ж открылось и второе дыхание: «в опасности — пропасть наслаждений». Александр уверовал в свою совершенную неприкосновенность, чтобы «свинец мог коснуться» его, и «свист пуль... стал то же, что свист ветра, даже менее», потому как от ветра иногда отворачивают лицо, «а пули не производят никакого впечатления».

Отвага оценена была, наконец, не только храбрыми сослуживцами (а Бестужев находился в отряде легендарного генерала барона Григория Христофоровича фон Засса, что прозван был горцами «славным разбойником»). В два года получил он унтер-офицера, затем прапорщика. И добыл новый мундир и эполеты. Не такие, правда, роскошные, как в Петербурге — от лучшего портного, но Бог с ним!

Лик судьбы вроде бы становится приятным. И уже граф Михаил Семенович Воронцов лично ходатайствует перед императором Николаем

за Бестужева, чтоб отставку дали, «чтобы он мог употребить досуг на занятие словесностию». (Вот и осуди теперь графа за пушкинскую поэтическую судьбу, которая с Михайловского, с легкой графской руки, только и сложилась.) Таким образом официальные лица присягали высшей власти не только в симпатии к ссыльным, но и в почитании талантов и личностей. (Кстати, вероятно, граф потому и заступился за Бестужева, что не заступился в свое время за Пушкина).

Однако в ноябре 1836 года на докладе графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, шефа жандармов и главного начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, об облегчении участи ссыльного Николай I написал, что мнение графа Воронцова неосновательно, и не Бестужеву вовсе с пользой заниматься словесностью. И действительно, что же Бестужев такого написал за последние годы? Вот Марлинский — другое дело. Поминая же кавказские очерки его, государь заметил, что он «славно пишет, но по прочтении немногие захотят ехать на Кавказ». Судя по воспоминаниям Николая Павловича, автору отлично было известно, кто такой Марлинский, активно печатавший модные повести в журналах. Более того, говоря о Бестужеве, император порой прямо называет его Марлинским.

В марте 1839 года в миг получит отставку управляющий III отделением Александр Николаевич Мордвинов за публикацию портрета знаменитого романиста России (которого уже, кстати, официально нет в живых) Александра Бестужева (Марлинского) в альманахе «Сто русских литераторов». К слову, на место Мордвинова был назначен известный либералист 20-х годов Леонтий Васильевич Дубельт.

«Нет правила для милости», — любил приговаривать Николай Павлович в скользкие минуты необходимой ответственности. На самом деле, император (как он думал) выпиливал, вылепливал судьбы человеческие своими трудолюбивыми пальчиками. Впрочем, в обмен на словесность Бестужев представлен к ордену Святой Анны четвертой степени (на шпаге). То есть и доблесть его уже оценена с лихвой — по возможности ситуации, конечно, в которую он сам себя поместил.

Итак, в отставке отказано. Не выпустили. Но именно этой резолюцией Николай I масштабно развернул течение свободного сюжета жизни Бестужева и вывел его на финишную прямую. В то время герой имперской пьесы и сам не придумал еще себе правдивого исхода.

В феврале 1837 года Бестужев по делам службы оказывается в Тифлисе, где в офицерском клубе между бильярдом и обедом узнает ошеломительную новость: на дуэли убит Пушкин.

Ранним утром он уже на Мцатминде у могилы Грибоедова. Там служителю монастыря Святого Давида Бестужевым заказана панихида. Это

почти уже решение, о коем загадочно и сообщается брату в письме. Он нащупывает, он придумывает — причем вовсе не текст письма.

«...оплакивал самого себя, и, когда священник провозгласил: "За убиенных боляр Александра и Александра", я зарыдал так, что чуть не задохнулся, — она показалась мне, эта фраза, не только воспоминанием, но и пророчеством. Да, я чувствую, что моя смерть также будет насильственной и необычной, и мало отдаленной — у меня слишком много горячей крови, которая кипит в моих венах, чтобы она остыла с возрастом».

Из этих откровений можно сложить трагедию — пророчество насильственной и мало отдаленной смерти, что и принято делать. Но можно и комедию — в широком смысле этого слова. А именно: случится происшествие необычное и мало отдаленное. И какое же? если слишком много горячей крови, которая кипит в венах и не остыла с возрастом? Какая уж тут смерть. Впрочем, и панихида — молитва за иную участь. И в этом, в панихиде? — загадочное пророчество? Но все пока неведомо, он все ж только еще полагает, сочиняет, подбирает верные слова. Подбирает, как в черновике, и неверные потом могут быть опущены, отпадут. Вот только каких слов такая судьба? тех или этих?

«Я молю только об одном — чтобы не погибнуть простертым на ложе страданий или в поединке, — а в остальном да свершится воля провидения!»

А вот и из другого послания: «Не будет ли какого развлечения при взятии мыса Адлер, по крайней мере, будет красивая картина». И тут прям почти что все приготовлено.

Все эти впечатлительные размышления сильно схожи с лихорадочным состоянием Пушкина в Михайловском, который всеми средствами пытается оттуда вырваться. Не для того даже, чтобы просто уехать, а от того, что ущемлена свобода. Свобода собственных возможностей. То есть Пушкина раздражает не столько место его пребывания, но сама ситуация, которая диктуется вопреки собственной воле. Однако положения Пушкина и Бестужева будто бы вывернуты. Вернее, финал вывернут наизнанку. Если Пушкин, остановленный легендарным зайцем, не едет в Петербург в самоволку в декабре 1825 года (обозрев пейзаж и поразмыслив, он решается в нем остаться, минуя Сибирь и ссылку), то Бестужев, находясь уже на выселках, бежит от них и растворяется в кавказском пейзаже.

К слову, и набросок знаменитой повести Бестужева «Он был убит», что тоже признана пророческой (в смысле собственной смерти), — весьма провокативное сочинение, задуманное для пояснения случая, поступка. Или это некая охранная грамота суеверного провидца?

Считающийся автобиографическим текст «Он был убит» вполне замысловат. Герой незаконченной повести действительно погибает — его убивают в самом начале повествования. Затем из картины гибели автор переходит к размышлениям о славе и бессмертии, сентенциям, вероятно, очень его беспокоившим, — о вечной жизни и формах ее течения, перехода из мира в мир. И даже прикидывает, как там все это подстроить. С трепетом он выводит: «Он умер, он умрет весь». Витиеватые образы забвения порождают грустные мечтания о неутомленном (или, может быть, все же неутоленном?) ни всесветской, ни народной молвой имени, как не возбуждающем мысли звуке, и тому подобное. Неупиваемая жажда жизни после смерти. Вне смерти. Минувя смерть.

Кстати, Бестужев здесь не одинок. Эта щекотливая тема беспокоит в то время многих известных авторов. К примеру, Пушкин: «Я скоро весь умру», или: «Нет, весь я не умру». Пушкину вторит Лермонтов: «Боюсь не смерти я. О нет! Боюсь исчезнуть совершенно».

Итак, текст повести «Он был убит» начинается с описания автором геройской гибели героя, то есть здесь автор — наблюдатель. Из чего делается незамысловатый вывод, что автор предсказал свою смерть в бою, или хотя бы предчувствовал ее. Однако далее текст представляет собой записки героя, которые автор доверительно публикует. И тут уже герой повествует о своем весьма неприятном приключении: о преследовании его горцами и о том, что те отпустили его. Он, оказавшись в невыгодном положении, был оставлен именно горскими преследователями свободным.

Все это, как мы, читатели, понимаем, пишет один и тот же человек. Если учитывать некую известную автобиографичность, выходит, что автор — тот же герой, и дает себе право выбора. То есть для автора, как и для героя, возможны варианты, и он уже предполагает и иную последовательность действий. В тексте как бы два героя, однако и авторов тоже два: Марлинский и Бестужев. Если даже считать такую версию простой заумью, то, по крайней мере, очевидно, что автор повести размышляет о возможностях собственного поведения. Однако и у самого героя также есть выбор, ведь дневник пишет все же еще он — живой. То есть, можно, конечно, геройски помереть, но и горцы не так страшны, как могло показаться. И это Бестужев знает не понаслышке. Что он сделает? что выберет? Бестужев — или Марлинский? или уже кто-то третий?

Повесть не закончена.

Дальше совсем уж удивительно. Перед самой высадкой десанта на мыс Адлер впервые за всю свою бравую жизнь этот отчаянной храбрости офицер пишет... «Духовное завещание, 1837 года, 7 июня. Против мыса Адлера, на фрегате "Анна"». (И орден Святой Анны — имперское

благословение на шпаге.) 7 июня — день гибели Бестужева. Пророк так пророк. Но сам текст еще любопытнее. «Если меня убьют, прошу все, здесь найденное, имеющееся платье отдать денщику моему Алексею Шарапову. Бумаги же и прочие вещи небольшого объема отослать брату моему Павлу в Петербург. Денег в моем портфеле около 450 р., да 500 осталось с вещами в Кутаиси у подпоручика Кирилова. Прочие вещи в квартире Потоцкого в Тифлисе. Прошу благословения у матери, целую родных, всем добрым людям привет русского. Александр Бестужев».

Изумляют здесь последние фразы. «Прошу благословения у матери». Представляется, что если и просят благословения, то на добрые дела, на ратный подвиг, в крайнем случае, а вовсе не на самоубийствование, что себя само разумеет, если идти в первых рядах штурмующих, и даже впереди самых первых, как он будто бы и полагал. В подобных случаях обычно просят прощения. А здесь, может быть, именно — на другую жизнь?

А вот еще самое таинственное: «...всем добрым людям привет русского». Привет русского можно, пожалуй, послать, если живешь в среде чужих, памятуя себя русским и, что так именно и есть, напоминая о себе «всем добрым людям». А Бестужев-то уж знал разницу в словах и их значениях. Не новость также, что писанное сбывается чаще, чем ему бы полагалось.

Далее Бестужев смело идет в бой в первых рядах. Из леса с отрядом не выходит. Таков его ответ императору, в смысле свободного сюжета. А сочувствующий Вольховский попросту прикрыл этот бестужевский уход (или выход? или исход?), словом, его исчезновение. От того, представляется, и возникла разноголосица в показаниях — чтобы точно всех запутать. Умный Вольховский был еще и благородный человек.

Безусловно и то, что сам-то Бестужев с азиятцами дружил, даже более — они дружили с ним и уважали, причем самые отъявленные разбойники, каковым на Кавказе слыл Мулла-Нур. И одноименная повесть Марлинского тому фактическое подтверждение. Бестужев бы с ними сумел сжиться на своих правах при терпимости их законов. Это было ему по плечу. Абсолютно свободен.

И действительно, ходили по Кавказу легенды, что кто-то Бестужева видел, что выкупал тот русских офицеров из плена. Все это, однако, выглядит по-прежнему романтическим флером, всегда овевающим странные личности. Как все это ни эффектно, но как-то без окончательной убедительности. Все это как бы только полуфинал.

А вот и финал.

К 1837 году ряды ссыльных на Кавказе изрядно поредели, и Николай I позволяет выпустить туда из Сибири следующую партию рядовых.

Среди восьмерых, выехавших на юг летом, — Александр Иванович Одоевский, уже не князь. Осенью 1837 года он знакомится с Лермонтовым, сосланным на Кавказ за посвящение Пушкину «Смерть поэта». Они сдружились, что редкость для Лермонтова. Но сейчас не об этом. Одоевский два года честно служит, вояжируя по Кавказу. Выслуга, на которую так надеются все наказанные, чтоб выйти в отставку, несмотря на подвиги и наглядный героизм, все не идет. Императора, верно, занимает, то есть ему все еще приятно глядеть, как поверженный противник верно служит отечеству, — да что там, и лично царю.

В августе 1839 года Александр Иванович Одоевский внезапно умирает от горячки в гиблом местечке у реки Псезуапе, под Сочи, начитавшись Шиллера.

Похоронили. Написали слова — на память.

Затем...

В своих записках сослуживец Одоевского, полковник Григорий Иванович Филипсон, сообщает, что на могиле поставили большой деревянный крест. Но после одного нападения горцев крест пропал, потому как горцы разорили и разбросали русские могилы. «По легенде же, среди горцев был беглый русский офицер, который сумел объяснить, кто здесь покоится, и телу страдальца были отданы новые почести». Вот тут не понимаешь, как ко всему этому и отнестись. За очевидностью. Однако ж надо объясниться.

Первое. Среди горцев был беглый русский офицер. Можно положить, что русские офицеры в горы не бегали целыми полками и не слонялись потом по окрестностям. Скорее, событие это было делом выдающимся (учитывая еще и то, как браво дрались наши на Кавказе), и число беглых было, скорее всего, известно — пофамильно и укладывалось в количество пальцев на руке. То был именно офицер, а офицера ни с кем не спутаешь — ни с колонистом, ни с купцом, ни с любознательным путешественником, — словом, неким русским. (Могло же такое случиться, что в горах с горцами жили просто русские?) И подозреваешь уже и мемуариста в хорошем знании материала, то есть имени того, кто это именно был среди горцев. Записать открыто на бумагу полковник Филипсон поостерегся. И, в общем-то, понятно, отчего. Не хотелось пристального внимания к своей персоне по подозрению в сочувствии к государственным преступникам. Очевидно, на беглых офицерах так же лежало табу, как и на декабристах. А вот этот беглый русский офицер сумел объяснить, кто именно здесь покоится. Вот уж верно чудеса! Русские на Кавказе гибли, многих и хоронили там же, однако представляется сомнительным, что история, судьба каждого была подробно известна окружающим. Да, и не у каждого была эта истори-

ческая судьба. И что особенного могло приключиться? Так, обычный офицерский набор: родился, вероятно, женился, хотя не всегда успел, ну, любовница, ну, любовь, дуэль, вино и карты прилагаются. Не всякий умел и пошалить с оригинальностью, что всякий раз запоминалось. Но беглый офицер знал, что история у могилы была, и сумел объяснить это горцам, которым на русских солдат было глубоко плевать. И они прониклись, и телу страдальца были отданы новые почести. Злые горцы совсем ведь как дети, впечатлительные люди, почему и рассказ должен был быть пронзительным. Изложи-ка им все витиевато и хитро! Чтоб на горские черствые сердца, почти что каменные горы, пролился свет зажигательной личности рядового князя Одоевского. Кто бы это мог все проделать? Кто бы мог все это знать? Вероятно, близкие люди — родственники, друзья. Кое-кто еще помнил его в Петербурге, может быть, и в Москве, в Сибири, здесь, на Кавказе. Но все они, заметим, никак не укладываются в форму беглого русского офицера, к тому же бывшего у горцев в авторитете. И лишь только один из всех упомянутых (теоретически) приговаривается на эту роль: тот, кто жила на квартире у любимого князя Александра, «князя души моей», той, что снималась на Исаакиевской площади в Петербурге в 1825 году, в канун декабрьского выступления. Кто сидел в крепости и добирался на Кавказ через Якутию. Блестящий автор и верный друг. Потому и не называет его мемуарист Филипсон, полагая, что имя многим известно.

Другое. Тело Бестужева, напомним, было не найдено у мыса Адлер, чуть южнее Сочи. Одоевский похоронен в районе реки Псезуапе, чуть севернее Сочи. То есть совокупно это место обитания одного бандформирования, то есть горского племени.

Ну, и слово «легенда», по которой... Историческая легенда обычно предумышленная выдумка, она часто использует внешние, поверхностные признаки, простые и понятные, и не требует глубинных доказательств. К примеру — кто-то видел, кого-то спасал, кому-то помогал, кого-то выкупал. Однако даже легенды просто так не рождаются. Должны иметься основания в виде либо реальных событий, либо характеристических особенностей личностей, которые и побуждают к фантазиям сочинителей. А ежели просматривается нагромождение смелых подробностей, которые надо было откуда-то взять (знать), возникает вероятность приближения легенды к правде жизни. Так (легендарно) можно официализировать факт. Почему и — легенда. Безответственное (в смысле — за которое не надо отвечать) повествование.

Все источники этого дела открыть сегодня, конечно, невозможно. Но некоторые послания своевольно всплывают сами, увлеченные системой обстоятельств.

Заручились-то мы единственным, может быть, весьма зыбким свидетельством полковника Филипсона о разоренной и восстановленной могиле князя Александра Одоевского. И попеняем себе за то, что высказаны были весьма отважные предположения. Но в эту самую минуту в руку падают «Записки декабриста» барона Андрея Евгеньевича Розена, где мигом обнаруживается весьма занимательная страничка «Последние дни князя Одоевского» — «подтверждения на подтверждения», которые радостно вплелись в совершенно ожившую картину.

Пронзительные строки смертеописания, пересказанные со слов товарища Одоевского по ссылке и службе на Кавказе, Николая Александровича Загорецкого, на руках которого тот и умер. Свидетельства человека, бывшего в последние годы и дни рядом с Одоевским и в беде, и в радости, заслуживают особенного доверия: «...но касательно могилы его (Одоевского — авт.) есть разногласные мнения: весною 1840 года горцы овладели фортами, построенными на восточном черноморском берегу, где эпидемия значительно уменьшила личный состав гарнизона. Неприятель не только перерезал в фортах весь гарнизон, но и вырыл из земли мертвые тела и бросил их на съедение шакалам. Другое предание гласит, что между этими дикими горцами был начальником офицер, бывший прежде в русской службе, знавший лично Одоевского, и его могилу удержал от неистовых врагов, почтивших ее, когда услышали, чей прах в ней находится». Если свести эти разногласные мнения, то получается единый текст, уже поведенный полковником Филипсоном, сомнительно, что сочиненный всеми вместе мемуаристами за одним рабочим столом. Здесь — все: и разрушенные могилы, и бывший в русской службе офицер между дикими горцами, почтившими могилу, когда узнали, чей прах в ней находится. И даже более: офицер этот знал лично Одоевского. Снова вспомним всех его знакомых, что могли вдруг оказаться у гор неповиновенного Кавказа.

Что уж тут добавить?

Жаль только одного. А именно — известно, что рядовые государственные преступники очень любили первыми бросаться в бой: все чин пытались выслужить. В военных реляциях писано, что Одоевский (с тем же Загорецким) не раз выступал в первой линии застрельщиков и забегал далеко в кустарник на позиции черкесов. И вот жаль-то, что тогда-то не встретил он в лесу друга своего Александра Бестужева... Который, сидя в горах, знал, пожалуй, что внизу у моря поджидает его отчаявшийся Одоевский. Но опоздал прийти.

У некоторых историй, тем более таких романтических, случаются, однако, и продолжения. Положим главный тезис действительным: Александр Бестужев ушел в горы и счастливо слился с местными туземцами. Ушел — и что тогда?

Если так, то у горцев он стал зваться Искандером. Искандером сделался во время своих азиатских походов Александр Македонский. Искандером в Персии звался Александр Грибоедов. Искандером был и сам Бестужев в кругу горцев, с которыми, мы помним, всегда дружил. В память о Бестужеве взял в изгнании псевдоним Искандер Александр Иванович Герцен. Искандер на востоке — всегда христианин. На Кавказе Искандер — всегда русский.

Тут-то приходит на ум странноватая мысль, но веселая. А что если Фазиль Искандер, родившийся в том примерно месте, где пропал некогда Бестужев, его потомок? И ведь мысль эта только на первый взгляд странноватая. За нее вдруг выступают и жизненные факты. Один только великолепный русский язык Искандера, генетический, можно сказать, чего стоит. Числящий себя только русским писателем, Искандер и говорил без свойственного Кавказу акцента, и писал всегда языком русским чувственным, можно сказать.

Корни семейные, к сожалению, прочитываются только до деда. Дочкопаться глубже сегодня практически невозможно. Архивы молчат. Семейные предания немногословны. Но последнее вполне объяснимо. И в XIX, и в XX веках не приветствовались многие откровения. Понятны и случаи, когда истинную правду скрывали, чтоб обезопаситься. Тут тоже интересно: изначально Искандер числился персом (он только в середине 60-х по просьбе матери записал себя абхазом), то есть тоже во все не коренным жителем, а будто откуда прибывшим. Как знать, и такая могла быть семейная маскировка. Кстати, по удивительному стечению обстоятельств и само имя Фазилия Искандера — транскрипированное христианское: Базиль, Василий. Василий — также и его имя в православии. А по-русски, так выходит, — Василий Александров.

Ну, и что же наш Бестужев? Как он мог себя проявить, вдруг поселившись в горном ауле?

И тут приходят на ум совершенно прямые аналогии. Про декабристов в Сибири. Именно они, сосланные туда в 1826 году, а позже и прибывшие к ним жены и сестры (Бестужевы — авт.), одним своим присутствием двинули этот обширный край на много десятилетий вперед, произвели, так сказать, титанический слом местного сознания. И в образовании, культуре, медицине, строительстве, земледелии, и в воспитании, в привитии понятий чести и правил поведения. Сосланным дворянам, они же каторжники, а позже поселяне, многие вдруг принялись соответствовать. Лучшие люди Сибири получили от них духовную поддержку в своих помыслах и поступках. Это была вторая гигантская волна освоения Сибири после завоевания ее Ермаком, волна просветительская. Нынешние сибирские старожилы рассказывают, что потомки

декабристов всегда выделялись из общей массы. И даже в самые сложные годы XX века они «держали спину».

Так вот Бестужев, Искандер. Он, конечно, просветитель. Он литератор. Он хранитель языка. Он учитель.

И вот маленькому мальчику Фазилю уже читают только русские сказки, а также, конечно, Пушкина и Гоголя. Что не странно. Родственники Фазиля Абдуловича все были весьма образованные и отлично знали по-русски. Искандеры — тамошняя интеллигенция, светские люди и весьма уважаемые, кстати, «почетные граждане Сухума». Один дядя — экономист, репрессирован. Другой — стряпчий. Он помогает местным писать письма, составлять необходимые документы, разбираться в официальных бумагах. Мало кто в то время мог справиться с этим из простых обывателей. Напомним, речь идет о конце XIX, начале XX века и о национальной окраине России.

К тому же оказалось, что семья Искандеров в свои годы владела кирпичным заводиком. Дома, выстроенные из того красного кирпича, говорят, еще украшают старый Сухуми. Припомним здесь, что Бестужев служил у Августина Бетанкура, знаменитого архитектора и инженера, соорудившего московский Манеж и водрузившего Александровскую колонну на Дворцовую площадь в Петербурге. Вероятно, и самому Бестужеву не были чужды строительные навыки и инженерные знания. Он вполне мог употребить эти нужные сведения во благоустройство на Кавказе.

Кстати, о строительстве. В старой Гагре и по сей день стоит, в виде, правда, полуразрушенном башня с говорящим названием «Бестужевская». Старожилы крепко связывают ее имя с именем декабриста. Откуда все это взялось? Откуда что явилось?

Понимаем, что именовать фортификационное строение даже в честь героически погибшего в пылу Кавказской войны государственного преступника Бестужева-Марлинского царское правительство никак бы не сподобилось. Скорее обратное. Однако Бестужевская башня — идиома слишком устойчивая на местности, что полагает за ней уже и народную память, хотя бы и в противоречие правительству...

Вспомним, что Гагра с 40-х годов XIX века, сначала волевыми молитвами Николая Николаевича Раевского-младшего, затем графа Михаила Семеновича Воронцова и еще позже принца Александра Петровича Ольденбургского, уже к началу XX века превращается в русскую Ривьеру. А до 40-х слыла самым гиблым местом, где ютились наши войска. Бестужев, служивший там в 5-м Черноморском батальоне, называет Гагру «гробом для русского гарнизона», и «имя Гагры... однозначнее со смертным приговором...» Словом, край этот был ему ведом изрядно.

Там и служивые, и аборигены имели некоторую память о самом герое.

Интересно: Александра Бестужева не стало, напомним, летом 1837 года. А башню выстраивали только в 1841-м. Волею судеб чудесных, руководил работами тоже небезызвестный нам инженер Константин Карлович Данзас, однокашник Пушкина и секунданта его последней дуэли, закончившейся гибелью последнего. Данзас — общий знакомец общих знакомцев. И именно он первым рассказал кавказским товарищам пронзительные подробности трагедии на Черной речке.

Бестужев, говорилось, также не был чужд инженерных навыков, полученных у знаменитого Бетанкура, с дочерью которого, к слову, у него имелись взаимные романтические отношения. А брат его Николай Александрович вместе с военным инженером Фаддеем Яковлевичем фон Тизенгаузеном усердно сочиняли новости для конструкций оборонительных башен. Бог весть, когда еще — в начале 20-х века XIX-го! И сам Бестужев мог стать для своих друзей источником дельных советов уже здесь, на Кавказе. Да, хотя б и развлечения ради. Из одного желания, как Пушкин говаривал, с друзьями поврать.

И вот уже пылкое воображение созерцает чудесное художество — Данзаса и Бестужева среди груды камней, что станут потом башней. Сидят они, покуривая, болтают ногами и языками, вспоминая и поминая ушедшее чаркой спирта кавказского, что сегодня называется чачей. Право, было — кого. Было и что. И за всем этим открыто наблюдает весь окрестный бомонд, прикрываясь от солнца или лишнего знания козырьками фуражек. А вот на ночь Бестужев, Марлинский или кто-то третий (?) убирался восвояси. Чтобы вновь вернуться.

Существует и еще один значительный факт в пользу наличия русской крови в фамилии Искандеров. Но его мы не станем озвучивать публично.

Так или иначе, это всего только умозаключения весьма вольные, потому как нет же у нас, право, документа, что Искандер — потомок Искандера Бестужева. Нет.

Вот только, пожалуй...

«Прошу благословения у матери, целую родных, всем добрым людям привет русского. Александр Бестужев. 1837 года, 7 июня. Против мыса Адлера, на фрегате "Анна"». Духовное завещание.

